

Если верно утверждение о том, что в России на протяжении многих столетий удавалось сохранять веротерпимость и толерантность по отношению ко всем проживающим в ней нациям, значит, в последнее десятилетие своей истории она столкнулась с новым типом открытого агрессивного конфликта – межнационального. И, как, впрочем, ко многим другим, оказалась к нему не готова. Этот опыт – без всякого преувеличения “сын ошибок трудных” – дается нам невероятно дорогой ценой. Не то чтобы мы не знали, ЧТО надо делать – в конце концов за два минувших тысячелетия человечество, пережившее бесчетное количество религиозных и национальных войн, накопило немало ценных сведений по этому поводу. Мы, как всегда, не знаем, КАК... “Личность и нация” – об этом много думал Мераб Мамардашвили. К сожалению, его идеи не были услышаны современниками. “Нас возвышающий обман” всегда ценился больше горьких истин. Вопрос в том, готовы ли мы принять их сегодня – спустя десять лет после его ухода. О путях и способах преодоления межнационального противостояния размышляют участники дискуссии, открытой статьями Сергея Филатова, Бориса Васильева, Евгения Ямбурга (см. №№ 34, 35, 36).

Пророк для избранных

В этом году совпали сразу две памятные даты Мераба Мамардашвили: сентябрь – 70-летие со дня рождения, ноябрь – 10 лет со дня смерти

“Никогда не нужно бояться зайти слишком далеко, потому что истина – еще дальше”

70-летие Мераба Мамардашвили на его родине прошло почти незамеченным, во всяком случае, на официальном уровне – ни вечера памяти, ни слов президента. Еще одна классическая иллюстрация к общеизвестной формуле “нет пророка в своем отечестве”. В Грузии идеи философа не находили широкого отклика ни при его жизни, ни после смерти. Круг его почитателей был всегда очень ограничен – пророк для избранных.

“Человек Вселенной”, Мамардашвили не пришел ко двору ни при каком режиме. Вернувшись в Тбилиси в 1980 году доктором философских наук и ученым с мировым именем, он был для коммунистического официоза диссидентом и идеологическим отщепенцем. Никаких должностей и почетных званий здесь он не получил. Он числился научным сотрудником в Институте общей и педагогической психологии, читал лекции и спецкурсы всегда по чьей-то личной инициативе – в университете, в Союзе аспирантов Грузии, в театральном институте. Друзья, встречи, беседы – все это в узком, почти домашнем кругу. Во времена подъема национального движения, к концу 80-х, его имя приобрело большую популярность, привлекло внимание оппозиции, и он оказался в гуще событий. Однако его выступления перед многолюдной аудиторией воспринимались с восторгом далеко не всеми, вызывая открытое раздражение национал-патриотов. Широко взглядов философа, не терпящая ограниченности, для которого главными постулатами были личность, свобода и причастность каждого человека к мирозданию, в дыму национального угара радикалам казалась кощунством и святотатством. Вслед за Прустом он ощущал себя “гражданином неизвестной страны” – и продолжал мысль: “Художник есть гражданин неизвестной страны; и поэтому к нему не относится проблема, что он должен любить свою родину... Этих стран ровно столько, сколько нас самих”.

“Патриоты” заклеили его как врага нации, агента Кремля. “Истина выше родины” – эту мысль, которую проповедовал еще Чаадаев, в Грузии ему простить не могли. А дальше была еще одна знаменитая фраза: “Если мой народ проголосует за Гамсахурдия, я пойду против своего народа”. Оголтелые националисты, истеричные жеманщици звонили ему домой с угрозами и проклятиями. Их он услышал от своих соотечественников и в последние минуты жизни – в московском аэропорту. Он возвращался в Тбилиси после трехмесячной поездки с лекциями по США. Рейс задерживался. Несмотря на плохое самочувствие, он запретил московским друзьям провожать его во второй раз и один ожидал посадки в аэропорту. Среди попутчиков нашлись звиадисты, которые начали высказывать все, что думают о нем, не стесняясь в выражениях. Он не долетел до Тбилиси. Упал там же, в зале ожидания, – сердце не выдержало, третий инфаркт. Врачи говорили – разорвалось в ключья. Хоронили его тихо съехавшиеся отовсюду друзья, близкие, бывшие студенты на скромном тбилисском кладбище. Он и по сей день покоится там, а не в пантеоне.

О Мерабе Мамардашвили сейчас напоминает лишь мемориальная доска на университетском доме, где он жил с родителями и с самой преданной на свете сестрой Изой. Мать пережила сына на 5 лет, и только Иза Константиновна знает,

что это была за жизнь после его смерти – выстрелы, ночные очереди за хлебом, керосинка и свечи. В квартире все осталось так же, как было при Мерабе. Очень скромная обстановка, только самое необходимое. В небольшой комнате Мераба Константиновича несколько его фотографий на стенах, два замечательных графических рисунка его ближайшего друга юности Эрнста Неизвестного и книжный шкаф, где отдельная полка с его изданиями. На столе в керамической чаше лежит табак и его знаменитые трубки, отдельно в пепельнице – его любимая трубка, которую, кажется, знают все по его портретам. Смотреть на оставшиеся навсегда трубки, а в последней остался еще недокуренный табак – просто невозможно. Иза Константиновна извиняется, выходит покурить. Здесь не может, потому что всегда прибегала курить к брату, тайком от мамы. Эта комната – бывшая лоджия: много стекол, вид во двор с большим деревом посередине. Он любил смотреть на него и слушать, как шумят листья. И еще он любил солнце. Утром, когда просыпался, оно било ему прямо в глаза, но он не разрешал задерживать занавеску. Любил и умел ценить красоту во всем. И сам был невероятно артистичным: как он входил в аудиторию, как одевался, как перемежал речь цитатами на французском или немецком, как не расставался с трубкой... Он был “другим” для Тбилиси. Впрочем, “другим” он оставался для любой точки мира. Это был человек, говоря словами Мандельштама, “пространством и временем полный”, а место значения не имело.

Пересматривая издания трудов Мераба Константиновича. При жизни была издана только одна книга: ее готовил к 50-летию Мамардашвили в тайне от него его московский друг Юрий Сенокосов, но вышла она в 90-м. Среди московских и зарубежных изданий есть и два тбилисских на грузинском языке. Первое из них, чудом вышедшее при Гамсахурдия, своим появлением объяснено молодым ученым из Союза аспирантов, а другое появилось с помощью Института Кавказа. Третья книга – в Грузии, уже на русском языке, “Психологическая топология пути” вышла исключительно благодаря Изе Константиновне, ее кропотливой работе при свечах с бисерным почерком брата и цитатами на разных языках. Вся жизнь проработавшая учителем географии в школе, она и не подозревала, что способна на такое. С ее участием выходили почти все издания на русском языке вне Грузии.

После смерти лавры также не грозили Мамардашвили. В независимой Грузии, прошедшей через войну, беженцев и нищету, было не до философских откровений и изучения его наследия. А в наши дни грузинским демократам тем более не до высоких материй: политика, бизнес, борьба за власть и сферы влияния – вот где идут бега наперегонки. Два года лежит нераспакованным дар Грузии великого скульптора Эрнста Неизвестного. В память о друге он создал интереснейшую 4-метровую скульптурную композицию, чтобы увидеть ее в Тбилиси, куда неизменно возвращался Мамардашвили. С большими трудностями при участии Шеварднадзе и американского посольства ценный груз был доставлен из США в порт Поти, затем перевезен в Тбилиси. Но открытия памятного скульптор пока не дождался. На отливку в металле в бюджете нет средств. Гипсовый слепок скульптуры, которая могла бы украсить любой город мира, лежит в запасах мертвым грузом. Идут разговоры, что Москва хотела бы поста-

вить этот памятник у себя. Однако Эдуард Шеварднадзе обещал принять все меры, чтобы установить скульптуру, тем более что 25 ноября исполнится 10 лет со дня смерти Мамардашвили. Правда, по сведениям посла Грузии в РФ г-на Зураба Абашидзе, деньги на памятник, кажется, нашли.

На почитание не хватало средств, а на почитывание, перелистывание его книг – времени. Дорости до своих пророков во все времена удавалось немногим, и Грузия не исключение. Между тем как раз политикам, особенно решающим национальные конфликты, полезно было бы заглянуть в труды Мамардашвили, который вслед за Прустом убедительно и емко расшифровывал истину: “Миров столько, сколько каждое утро просыпается умов и глаз”. Может, и национальные конфликты решались бы иначе, если бы вслед за философом проблеме рассматривали в сопоставлении таких понятий, как личность и культура, этнос и нация. “Мы все живем в некой вселенной, живем, как одна душа, поскольку мы осуществляем акт жизни сознания, а не природной жизни”.

Для философа самым важным было личностное начало, именно из этого складывался для него “национальный характер”. Но личность без свободы немислима. “Если та или иная нация, происшедшая из каких-то этносов, находится в рабстве, в условиях деспотической власти, то это разрушает, уничтожает личностные начала культуры, нации”. В одном из последних интервью начала 1990 года он сказал: “Мы выходим сейчас из темного тоннеля тоталитарного бытия. Невозможно не нести на себе следы этой жизни, следы того, что несколько поколений рождалось в атмосфере, где капли крови подвешены в воздухе, где грязь, ложь, тотальная ложь. Разве можно выйти отсюда ангелом с крылышками? Можно, конечно, представить себе, что есть злая власть и некие страдающие от нее субъекты: чистенькие и всепонимающие, то, что мы обычно представляем в отношении простых людей. Чуть о некотором естественном добре, свойственном бедным людям, разрушена уже давным-давно, прежде всего Достоевским. Нет такой ситуации, когда есть злая власть, пусть даже на долгие годы, но случайная. И есть терпящие ее благородные, нравственные люди. Это легенда, миф, может быть, удобный для интеллигентского благодушия. Сейчас стратегический момент, в особенности для судеб русской культуры. У остальных есть хотя бы иллюзия, что им достаточно выпрыгнуть из объятий “российского чудовища”, и все будет хорошо. Все это может оказаться иллюзией, но что-нибудь будет, когда они выпрыгнут, может быть, даже хуже...”

Но русские даже этой иллюзии себе позволить не могут. Они просто стоят перед самими собой... Сумеет русский народ решить свои собственные проблемы – это и станет судьбой других народов”.

Всмотреться в себя и увидеть свое истинное лицо всегда трудно. Люди это делают неохотно. Но не все, так же, как не ко всем обращены его мысли. Он свято верил: “Семя принесет свой плод. В ком? Когда? Неизвестно! Но там, где оно будет, буду и я...”

И он есть, наперекор всему. Эти ростки видны в новом поколении, молодые философы читают его, пишут о нем, восхищаются им. Может быть, это и есть лучший памятник на родине ко всем его датам, прошедшим и будущим.

Вера ЦЕРЕТЕЛИ

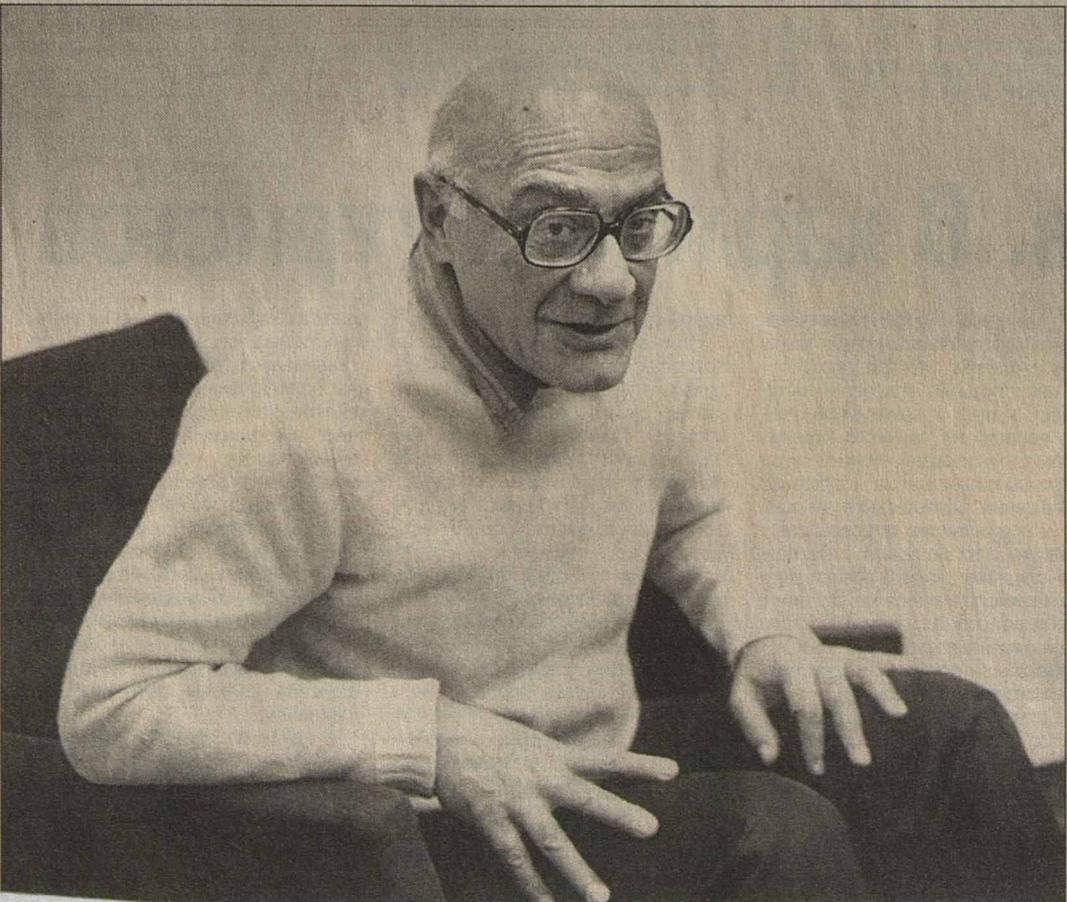

Фото Ю. САДОВНИКОВА